

Сагит Фаизов

**ПЕРВЫЙ КРЫМСКО-ЗАПОРОЖСКИЙ
ВОЕННЫЙ СОЮЗ В СТАТЕЙНОМ СПИСКЕ
РУССКИХ ПОСЛАННИКОВ ОСИПА
ПРОНЧИЩЕВА И РАХМАНИНА БОЛДЫРЕВА
(1625 год)**

С татейный список Осипа Прончищева и Рахманина Болдырева¹, охватывающий своим содержанием политическую жизнь Крымского юрта за девять месяцев 1625 г., отсылает нас ко времени, отмеченному беспрецедентной плотностью неординарных событий в юрте и вне его. На 1624 и 1625 годы приходится ряд ярчайших событий, в которых проявились уже сложившиеся коллизии международных отношений Северного и Западного Причерноморья. Значение их было столь велико, что они надолго вписались в общественное сознание как события-вехи политической истории региона. В 1624 г. произошло второе после подчинения Крыма Османской империи военное столкновение Крымского юрта и империи — под Кафой, в котором на стороне хана Мухаммед-Гирея и калги Шагин-Гирея приняли участие и запорожские казаки. К тому же году относится первое появление флотилии запорожских чаек в Босфоре, продемонстрировавшее растущие возможности украинского казачьего войска оказывать влияние на военно-политические взаимоотношения Речи Посполитой и Высокой Порты². В следующем году запорожская флотилия, возвращавшаяся из похода под Трапезунд, выдержала нелегкий бой с турецкой галерной эскадрой у лимана Днепра³.

За боевой активностью запорожского казачества 1624–1625 гг. просматриваются факторы международного свойства и, прежде всего, актуализация идеи общехристианской войны против империи тюрок-мусульман, что, впрочем, не мешало иным христианским странам использовать эту идею в сугубо прагматических целях. Известен международный скандал, связанный с попыткой Священной Римской империи заключить негласный договор с Запорожской Сечью о боевых действиях запорожцев против Турции⁴ (не исключено, что такой договор в 1624–1625 гг. сущес-

твовал). Другая, более масштабная по замыслу антитурецкая инициатива, принадлежавшая православному «наследнику» османского престола Александру Яхье и заключающаяся в создании широкой антитурецкой коалиции балканских и восточноевропейских стран, получила в Сечи открытую и, быть может, более горячую поддержку, нежели у православных властителей Балканского полуострова, к которым Яхья тоже обращался. В 1624 г. Александр Яхья был принят в Запорожской Сечи как высокий гость. В следующем году он проследовал в Россию, где по рекомендации митрополита Иова Борецкого встречался с официальными представителями царя Михаила Федоровича, но убедить их в реальности и правовой обоснованности своих притязаний не смог⁵.

Россия, всего на одно десятилетие отошедшая от Смуты, была слишком слаба, чтобы задумываться над проекцированием опыта Смуты на политическое поле Османов, и более всего нуждалась в мирных отношениях со всеми своими соседями, включая Османскую империю и Крым, со стороны которых она тогда испытывала меньшую угрозу, нежели со стороны Речи Посполитой. Деулинское перемирие 1618 г. оставляло открытым вопрос о праве польского королевского дома на русский престол и в то же время обеспечивало за Речью Посполитой выгодные с военно-стратегической точки зрения позиции на границах. На крымском направлении своей внешней политики Россия преследовала достаточно тривиальную цель максимального ограничения нападений крымской конницы на южные окраины государства. Ежегодный вывоз дани в Крым и ежегодный обмен посольствами служили в то время достаточной базой для стабильных мирных отношений с юртом⁶. Посольство дворянина О. Прончищева и подьячего Р. Болдырева формировалось в контексте уже устоявшихся внешнеполитических реалий и почти по всем своим характеристикам калькировало предшествующие посольства. За исключением одной. Предыдущее посольство Якова Дашкова и Василия Волкова, впервые представлявшее московское правительство перед ханом Мухаммед-Гиреем, не сумело добиться от крымской стороны гарантий соблюдения мирного договора, что формально выразилось в отказе Шагин-Гирея признать договорную грамоту, подготов-

ленную ханской канцелярией. Отказу от личной ратификации предшествовало убийство российского посла Ивана Бегичева, возвращавшегося летом 1624 г. из Турции⁷.

Новому посольству предстояло рассеять враждебность калги к Москве и в случае удачи добиться подтверждения мирных намерений Крыма в соответствии с протокольной традицией, то есть за шертными (договорными) обязательствами хана, калги и нуреддина. Большой запас мехов и денег, приданный посольству, рассматривался Посольским приказом в качестве сильного аргумента в пользу смягчения или перемены позиции Шагин-Гирея. Другой аргумент заключался в демонстрации полнейшей дипломатической лояльности Москвы к новым владельцам Крыма, что нашло свое выражение в ущербном для ее авторитета отказе от каких-либо протестов в связи с убийством И. Бегичева. Наличие таких заготовок давало некоторую надежду на благополучный исход миссии, но прогноз был как никогда затруднителен. Ни благоприятная международная конъюнктура, подсказывавшая Гиреям желательность мирных отношений с Россией, ни большие посулы не могли быть вполне достаточным основанием к миру в глазах Шагин-Гирея, безрассудство которого спорило с его мужеством и нередко подавляло более рациональную политическую волю Мухаммед-Гирея.

Правление братьев, сыновей Саадет-Гирея составило наиболее яркую страницу в истории крымско-турецкого противоборства, характерного для всего времени пребывания Крыма под османским сюзеренитетом и состоявшего в постоянном стремлении крымских татар либо отстоять свои права, либо расширить их — вплоть до обретения независимости. Оба вооруженных конфликта крымского юрта с турецкими войсками (в 1624 и 1628 гг. — в начале и конце правления братьев) были направлены на утверждение права крымских татар самим решать вопрос о том, кто из Гиреев должен занимать ханский престол. То, что инициаторами и ведущими фигурами вооруженного сопротивления в обоих случаях выступили Мухаммед и Шагин Гирей, ничего не меняет в таком понимании сути конфликта: при первом столкновении, когда братья были популярны в Крыму, они выиграли схватку и принци-

пальный спор о праве Мухаммед-Гирея на престол только благодаря поддержке населения Крыма; ко времени второго столкновения они утратили опору как среди знати, так и среди «черных» татар, и проиграли сражения, несмотря на поддержку запорожских казаков.

Первоначальное воцарение Мухаммед-Гирея в Крыму в марте 1623 г. произошло благодаря покровительству одного из саванников, имевшего большое влияние в султанском дворце⁸. Но в то же время оно явилось дальним следствием неуспеха турецкой армии при Хотине, расцененного в самой Турции как поражение и послужившего причиной гибели султана Османа II от рук восставших против него стамбульцев. Падение Османа II дезавуировало почести, оказанные султаном прежнему крымскому хану Джанибек-Гирею как герою Хотинской войны, и сделало возможным или, скорее, неизбежным его смещение. Назначение Мухаммед-Гирея ханом произошло в условиях, как нельзя более благоприятных для осуществления антитурецкого сепаратизма. Высшая власть в империи принадлежала слабоумному Мустафе I и уже в силу этого не имела авторитета ни в столице, ни в провинциях. В 1623 г., после назначения Мухаммед-Гирея на крымский престол, Мустафа I был смещен, но его преемнику Мураду IV было тогда всего 12 или 13 лет⁹. Неурядицы на высших этажах управления империей продолжались, хотя и выражались в меньшей степени, чем раньше.

Шагин-Гирей находился в то время в Персии на службе у шаха Аббаса, а за несколько лет до перехода крымского престола к брату даже воевал против турок и татар на стороне шаха¹⁰. Став ханом, Мухаммед-Гирей вызвал его в Крым и назначил калгой. Нуредином в начале правления Мухаммед-Гирея являлся Девлет-Гирей, не имевший большого влияния на государственные дела, в ноябре 1624 г. его сменил Азамат-Гирей, служивший нуредином при Джанибек-Гирее.

Отставка Джанибек-Гирея не вызвала какого-либо волнения в Крыму, но военно-политическая обстановка в улусах летом и осенью 1623 г. была сложной из-за нападений «литовских, польских людей и черкасов» (по свидетельству Я. Дашкова и В. Волко-

ва). Через Перекоп на полуостров прорвался тогда отряд Тышкевича, а запорожцы на 40 чайках высаживались в районе Балаклавы¹¹. До крымско-запорожского сближения было еще далеко, тем более, что инициатор предстоящего диалога Шагин-Гирей пришел в Крым из Персии лишь в мае 1624 г.

Сухопутные и особенно морские походы запорожских и донских казаков в начале третьего десятилетия XVII в. стали подлинным бедствием для прибрежных и иных районов Турции и Крымского юрта, турецких купеческих кораблей. Как постоянно действующий фактор региональной военно-политической обстановки, они учитывались в стратегических прогнозах и планах военных кампаний в столицах и провинциях всех причерноморских государств. Вопрос о прекращении набегов и походов казаков постоянно присутствовал в переговорах между Речью Посполитой, Россией и Украиной, с одной стороны, Турцией и Крымским юртом, с другой (равно, как и вопрос о набегам крымской и ногайской орд на территории северных соседей).

Острота его ощущается и в статейном списке О. Прончищева и Р. Болдырева. Их поездке в Крым предшествовали ощутимые удары донских казаков в зонах жизненно важных интересов Крыма. В 1623 г. донские казаки громили улусы Малого Ногай, осаждая Азов, у Темрюка захватили турецкие купеческие корабли. Весной следующего года они разорили Балаклаву, затем Старый Крым¹².

Переговоры О. Прончищева и Р. Болдырева с первыми лицами юрта были в значительной мере подпорчены сопутствовавшими им нападениями донских казаков на крымские улусы¹³.

* * *

Изобиловавшая трагическим накалом страстей, размахом боев и сражений, неожиданными поворотами сюжетных линий на политической сцене эпоха Мухаммед-Гирей и Шагин-Гирей успела миновать свою драматическую завязку ко времени прибытия в Крым О. Прончищева и Р. Болдырева, но живые следы только что состоявшихся экстраординарных событий хорошо ощущаются в

их статейном списке. Заключив Вечный мир с Речью Посполитой, Высокая Порта не дождалась обещанного польско-литовской стороной прекращения походов запорожцев на свои владения. Нападения запорожцев стали еще более масштабными и нетерпимыми, так как, кроме всего прочего, наносили серьезный ущерб морально-политической репутации империи. Речь Посполитая, со своей стороны, предъявляла претензии к Порте в связи с нападениями на ее территории орды Кантемира-мурзы Дивеева, кочевавшей в Бужацкой степи. Нарушителей мира и с той, и с другой стороны на суше должна была наказывать конница крымского хана, на море — турецкий флот. Мухаммед-Гирей еще летом 1623 г. предпринял поход против Кантемира, вероятно, не вполне успешный, так как в следующем году имели место два новых столкновения отрядов Кантемира с войсками коронного гетмана Конецпольского, в которых, по оценке М. Грушевского, победа осталась за польской стороной¹⁴. На рейды запорожцев Мухаммед-Гирей ответил двумя ударами на Польшу: мурзы Алея и нуреддина Девлет-Гирей¹⁵.

С прибытием Шагин-Гирея на родину крымская политика в отношении Османской империи и Украины претерпела коренное изменение: послушание сменилось резким противостоянием, унаследованная из Цецоры¹⁶ и Хотина вражда — подчеркнутой дружбой¹⁷. Выбор Мухаммед-Гирея и Шагин-Гирея в пользу конфронтации с империей был вполне оправданным, если принять во внимание, что ему и возвращению Шагин-Гирея предшествовал указ султана о смещении Мухаммед-Гирея, не имевший никаких объяснимых оснований. В глазах всего Крыма его новые владельцы стали жертвой оскорбительного произвола османских властей. Своеволие стамбульских властителей не могло не задевать национальных чувств татар, ибо возводило право султана назначать ханов в малопочтенную степень немотивированного администрирования, унижавшего сам институт ханства Чингизидов. Мухаммед-Гирей, ничем не провинившийся перед Портой, и Шагин-Гирей, пользовавшийся репутацией защитника «черного» люда, вполне могли рассчитывать на поддержку населения Крыма. На их стороне в критической ситуации оказались также ногайцы, горские и запорожские черкасы, выступившие вместе с татарским

войском к району предполагаемых боевых действий — под Кафу¹⁸.

Крымский престол весной 1624 г. вновь должен был перейти к Джанибек-Гирею. В сопровождении визиря Хасан-паши 21 мая он высадился в Кафе и стал ждать отбытия Мухаммед-Гирея со всем его кланом из Крыма. Однако произошло противоположное. В. Д. Смирнов, излагавший эти события по рассказу турецкого историка-хрониста Наимы, писал по поводу отказа Мухаммеда и Шагина Гиреев выполнить предписание султана об отставке: «Им лучше казалось есть свой хлеб по праву, нежели питаться крохами по милости султана, а потому они собрали войско и приготовились к сопротивлению»¹⁹.

В Стамбуле сочли возможным усмирить мятежников. В Кафу был отправлен флот капудана Реджеб-паши. Мухаммед-Гирею и Шагин-Гирею повторно предложили подчиниться решению султана. «Наши предки силою меча отняли эту землю у неверных и подчинили своей власти; справедливо ли же нам, предав огню наши дома и села, уйти в прежние наши кочевья?» — отвечали за весь юрт владельцы Крыма²⁰.

В конце июля турецкие войска вышли из Кафы, чтобы дать бой неприятелю. Численность турецкого экспедиционного корпуса остается неизвестной. Вооружение его состояло, помимо легкого огнестрельного оружия, из больших морских орудий и десяти фальконетов. 2 августа корпус Реджеб-паши столкнулся с войсками Гиреев. По явно преувеличенным данным Наимы, численность одних только ногайцев, выступивших на стороне «мятежников», составила 100 тыс. человек²¹. Завязавшееся сражение не выявило победителя. На следующее утро турецкие войска бежали с поля боя вслед за ханом Джанибеком и понесли большие потери из-за паники в их рядах. От ран, полученных в тот день, скончался один из турецких военачальников Ибрагим-паша. Крымские войска беспрепятственно вошли в Кафу²².

Потрясение от случившегося было столь велико, что Реджеб-паша, не обращаясь в Стамбул, на месте распорядился подготовить указ от имени султана, в котором Мухаммед-Гирей вновь

был признан ханом²³. Позже, в сентябре того же года, султан подтвердил решение паши, а татарские войска оставили Кафу²⁴.

Формально конфликт представлялся исчерпанным, но на деле «статус кво» во взаимоотношениях Крыма и Порты был уже невозможен. Наиболее отважные представители рода Гиреев силой оружия защитили свое право на обладание высшей властью в юрте. Уже одного этого было достаточно для дистанцирования от османов и выбора ими самостоятельных приоритетов во внутренней и внешней политике юрта. Вкупе же с независимым образом мышления мятежных братьев, особенно Шагин-Гирея, большой популярностью их в крымских и ногайских улусах, Запорожской Сечи, отсутствием потенциальной угрозы юрту со стороны северных соседей и, следовательно, необходимостью блокироваться с Османской империей оснований для смены ориентиров, в первую очередь, в международных делах, было более чем достаточно.

Наиболее радикальная внешнеполитическая перемена была адресована Запорожской Сечи, которую хан и калга рассматривали как важного союзника в борьбе против Османской империи. Запорожцы могли оказать большие услуги Крыму на море, так как юрт не имел своей флотилии, а также на суше в осуществлении протектората над ордой Кантемира, державшегося слишком независимо летом 1624 г., но приведенного к покорности Шагин-Гиреем зимой 1624–1625 гг.²⁵ Запорожцы, со своей стороны, рассчитывали на помощь Крыма в назревавшем очередном конфликте с Речью Посполитой. Крымско-украинское сближение, начавшееся весной 1624 г., когда калга Шагин-Гирей впервые обратился за помощью к Сечи²⁶, завершилось в декабре того же года подписанием уже упоминавшегося крымско-запорожского договора о союзе и взаимной помощи. Крымскую сторону при заключении договора в Сечи представлял Шагин-Гирей. Тогда же он встречался с Александром Яхьей²⁷.

На переговорах с О. Прончищевым и Р. Болдыревым калга не раз напоминал русским дипломатам о существовании крымско-запорожского союза²⁸. Публикуемый ниже фрагмент статейного списка содержит первое напоминание Шагин-Гирея на этот счет, сделанное им в ходе официального приема русских послан-

ников в своей резиденции в Акмечети 15 апреля 1625 г. Он интересен и тем, что проливает свет на личностные качества калги и специфику аудиенций первых лиц Крымского юрта для представителей Московского государства, формально зависимого от Крыма (в силу сохранения обязательства по выплате ежегодной дани — «тиеша»). Грубость, продемонстрированная Шагин-Гиреем, не была характерным явлением в дипломатическом диалоге двух стран в первой половине XVII в. и нарушала сложившийся к концу первой четверти столетия протокол, но она подпитывалась живо сохранявшейся тогда асимметрией в процедурных нормах крымско-русских отношений²⁹.

¹Статейный список хранится в Российском государственном архиве древних актов: Ф. 123 «Сношения России с Крымом». — Оп. I, 1624. — Д. 6.

²В. Д. Смирнов датирует появление казачьих чаек в Босфоре 21 июля (Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. — СПб., 1887. — С. 493); М. Грушевский — 9 июля (Грушевский М. История украинского казачества. — Т. 2. — Киев, 1914. — С. 251); В. А. Голобуцкий вслед за Хаммером датирует 21 июля (Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. — Киев, 1957. — С. 187); В. Остапчук и А. Галенко (по кн. Кятиба Челеби) — 20 июля (В. Остапчук, О. Галенко. Козацькі чорноморські походи у морській історії Кятиба Челебі «Дар великих мужів у воюванні морів» // *Marra mundi: Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя*. — Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. — С. 370); П. А. Кулиш писал по поводу этого и других походов казачества тех лет: «...Вечный мир, выхлопотанный князем Збаржским в Царьграде, обратился в ничто» (Кулиш П. А. История воссоединения Руси. — Т. 3. — М., 1877. — С. 191); Аналитические и обобщающие характеристики морских походов запорожских казаков см. также: V. Ostapchuk. The Human Landscape of the Ottoman Black Sea in the Face of Cossack Naval Raids // *Oriente Moderno*. — 2001. — XX (LXXXI). — P. 23–95; I. Schwarz. Die Kosakenzüge am Anfang des 17. Jahrhunderts und die Verwüstung von Varna // *Miscellanea Bulgarica*. — 11. — Wien, 1997. — S. 55–56.

³Грушевский М. Указ. соч. — С. 277–278.

⁴Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами и Ногайской ордой. — М., 1947. — С. 114.

⁵Грушевский М. Указ. соч. — С. 257–258, 266; Кулиш П. А. Указ. соч. — С. 212–215; Брехуненко В. Московська експансія і Переяславська Рада 1654 року. — К., 2005. — С. 165 (В. Брехуненко не указывает на связь миссии Яхьи с посредническими действиями Иова Борецкого, ограничиваясь напоминанием о поездке в Москву прямого представителя митрополита попа Пилипа).

⁶См. об этом: Фаизов С. Ф. Поминки — «тыш» в контексте взаимоотношений Руси-России с Золотой Ордой и Крымским юртом. (К вопросу о типологии связей) // *Отечественные архивы*. — 1994. — № 3. — С. 49–55.

- ⁷ Подробное изложение обстоятельств захвата посольства И. Бегичева и убийства посла см.: Новосельский А. А. Указ. соч. — С. 125–126.
- ⁸ Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 480.
- ⁹ Tarih. С. III. Istanbul, 1931. — S. 64; Хаммер указывал, что Мураду IV к моменту воцарения было 12 лет (Hammer-P. I. Op. cit. — S. 38).
- ¹⁰ Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 479–480.
- ¹¹ РГАДА. — Ф. 123. — Оп. 1, 1623. — Д. 7. — Лл. 21–22.
- ¹² Новосельский А. А. Указ. соч. — С. 129.
- ¹³ Статейный список О. Прончищева и Р. Болдырева: лл. 24, 80, 81, 96, 98, 99.
- ¹⁴ Грушевский М. Указ. соч. — С. 255. Кантемир-мурза из рода Дивей — наиболее влиятельный политический деятель в ногайских улусах 20–30 гг., глава Белгородской орды, державшийся, как правило, независимо от Крыма.
- ¹⁵ РГАДА. — Ф. 123. — Оп. 1, 1623. — Д. 7 (ст. сп. Я. Дашкова и В. Волкова). — Лл. 27, 160–165, 211–216.
- ¹⁶ Сражения под Цецорой близ Ясс (20 сентября 1620 г.) и на Днестре (6 октября 1620 г.) предшествовали Хотинским, но с противоположным результатом: победа тогда осталась за турецко-татарскими войсками.
- ¹⁷ Характерные для рассказа Наимы и пересказа В. Д. Смирнова трансполяция поздней конфронтации Мухаммеда и Шагина Гиреев с османским правительством на первый год правления Мухаммед-Гирея и произвольное приписывание имени Шагин-Гирея к этому времени дублируются и в новейшей литературе. В частности, З. Вуйчик, писал, смешивая причину и следствие: «В 1624 году турецкий султан решил положить конец власти Шахина и Мегмета Гиреев в Крыму, поскольку эти братья проводили политику независимости хана от власти Османской Порты. Султан постановил силой сбросить хана Мегмет-Гирея, а на его место посадить кого-либо более доброжелательного себе» (Wojcik Z. *Dzikie pola w ogniu. O kazaczyni w dawnej Rzeczypospolitej*. — Warszawa, 1960. — S. 114).
- ¹⁸ По свидетельству калги Шагин-Гирея, приведенному М. Грушевским, запорожцев под Кафой было 300 человек (Грушевский М. Указ. соч. — С. 254); По сведениям Наимы, приведенным В. Д. Смирновым, более 1000 человек (одна версия), более 800 человек (другая версия): Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 483, 485; В походе под Кафу Шагин-Гирея мог сопровождать также 2-тысячный отряд персидских воинов, с которым он пришел из Персии в мае 1624 г. (Новосельский А. А. Указ. соч. — С. 111, 116).
- ¹⁹ Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 483. Известна негативная оценка А. А. Новосельского относительно той версии событий 1624 г., которая приводится в книге В. Д. Смирнова (Новосельский А. А. Указ. соч. — С. 118–122). Действительно, В. Д. Смирнов, доверившись рассказу Наимы, перенес некоторые обстоятельства свержения мятежных Гиреев из 1628 г. в 1624 г., но этот недостаток (вкупе с другими неточностями) легко корректируется внимательным читателем.
- ²⁰ Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 485.
- ²¹ Там же. — С. 485–487; Hammer-P. I. Op. cit. — S. 37–43 (его изложение событий под Кафой также опирается на повествование Наимы).
- ²² Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 487; Hammer-P. I. Op. cit. — S. 86–87.
- ²³ Мухаммед-Гирею были вручены султанский берет (указ) и халат (Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 487), но сомневаться в том, что берет был написан в Кафе, не приходится. В противном случае надо предполагать заготовку указа

впрок в предвидении взятия Кафы крымцами (берат был вручен Мухаммед-Гирею в обмен на освобождение Кафы). Последовавшее подтверждение августовского указа султаном также говорит в пользу версии о самостоятельном решении Реджеб-паши относительно реабилитации Мухаммед-Гирея.

²⁴ Новосельский А. А. Указ. соч. — С. 113, 115; Смирнов В. Д. Указ. соч. — С. 489–490.

²⁵ Новосельский А. А. — С. 114; См. также: ст. сп. О. Прончищева и Р. Болдырева, лл. 20, 21, 69, 70.

²⁶ Грушевский М. Указ. соч. — С. 250.

²⁷ Там же. — С. 258. Характерная для польской историографии оценка крымско-запорожского договора содержится в цитированной выше книге З. Вуйцика: «Этот союз не был выгоден для Речи Посполитой. Он мог привести к нежелательным последствиям хотя-бы потому, что польские подданные вступили в союз с иностранным государством и даже в письменной форме» (Wojcik Z. Op. cit. — S. 115).

²⁸ Ст. сп. О. Прончищева и Р. Болдырева: лл. 30, 44, 55, 75, 80, 98, 99. Уже летом 1625 г. союз проявил себя как действующий военно-политический фактор, когда 800 запорожцев присоединились к войску Шагин-Гирея ввиду подготовки несостоявшегося похода в российские пределы (см. об этом: Брехуненко В. Вказ. праця. — С. 167.).

²⁹ В данном фрагменте, в частности, зафиксирована выразительная деталь протокольной асимметрии: посланники «правят поклон» от главы государства второму лицу соседнего государства (к тому же не обладавшего полным суверенитетом). Другие детали: грамота царя, адресованная калге, переписка царя и калги (велась на татарском языке).

ДОКУМЕНТ

ФРАГМЕНТ ИЗ СТАТЕЙНОГО СПИСКА 1625 г.

И апреля в 15 день калга Шан-Гирей-царевич прислал ближнево своево человека Алшю-агу да копычейсково голову Шибан-агу с копычеи, а велел идти к себе на посольство. И Осип и Рахманин х калге с ними пришли. А калга сидит в саду, пьет, а с ним царев ближней человек Алгазы-ага, да ево ближние люди. И правили от великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича, Всеа Руси самодержца, калге поклон, и подали государеву грамоту.

И калга грамоту принел, и велел Осипу и Рахманину идти к руке, и, быв у руки, учели от государя объявлять калге поминки, и он поминков не принял, а учел говорить: Поминки, деи, и после примут, слушайте, деи, моей речи. Писал, деи, брат мой Маг-

мет-Гирей-царь и я ко государю о донских казаках, чтоб велел их з Дону свесть. И государь, деи, казаков з Дону свесть велел ли, и с вами то наказано ли?

И Осип и Рахманин про казаков говорили по государеву наказу: самим Вам то, Шан-Гирей-царевич, ведомо, что на Дону живут воры, холопы беглые, убежав от смертныя казни, и сложася с такими ж воры, с литовскими и з запорожскими черкасы, воруют, и от Московского государства поудалели, и государева повеленья не слушают.

И калга, не выслушев и не дав речи говорить: Слушайте, деи, меня, что я стану говорить. С черкасы, деи, я помирился, и они, деи, ныне около всево Крыму по морю ходят, а дурна никоторово не чинят, а ваш, деи, что за мир, вы, деи, ходите о миру, а казаки донские, приходя, воюют беспрестанно. И прежние, деи, ваши, неправды: с Казанского и с Астраханского государства царей наших згонили, отца, деи, нашего Саадет-Гирея-царя* и дядю нашего Магмет-Гирея-царевича** в Астрахани велели умерить. — И грамоту государеву изодрал, и Осипа и Рахманина, да переводчика*** велел драть за бороды.

И ближние люди, Алгазы-ага и ево люди, отнели и от нево заступили, а говорили ему: Тово, деи, ни в которых государствах не ведетца, что грамоты драть и послов безчестить.

И калга агам говорил: Только бы, деи, пришли они не посольством, и я бы, деи, велел их изсечь на части.

И посылку государеву, что к нему прислано от великого государя, велел переписать перед собою подьячему своему, и, переписав, велел, поимать своим людем, а иную посылку тут же роздал: Алгазы-аге дал ястреб да сто рублев денег, Тут-Гирею-аге дал шубу соболью, Мердеш-аталыку дал сто рублев денег, да Ак-мурзе нагайскому, которой государю изменил, отъехал ис-под Астра-

* После изгнания из Крыма царевич (не хан) Саадат-Гирей умер при невыясненных обстоятельствах в 1590 или 1591 г. в Астрахани (по сведениям А. А. Новосельского).

** Вероятно, авторы статейного списка имели в виду царевича Мурат-Гирея, умершего в Астрахани в то же время, что и Саадат-Гирей.

*** Семен Андреев.

хани, дал сто рублей денег. А мех* денег, розрезав, велел копычейскому голове** Магмут-аге розбросать по саду.

И держа в саду у себя многое время, учал подавать пить. И Осип и Рахманин говорили, что в нашем крестьянском законе ныне пост, и в нынешнем, деи, и воды люди не пьют, и, видя твою, царевичеву, к великому государю нашему нелюбовь, и нам как пить. И он велел агам заставляливать пить сильно, и они, видя ево усердство, заступя от него, пили сами. И велел агам положить на Осипа и на Рахманина по платнишку*** сильно, и велел отвезть на тот же двор и приставить копычеев.

РГАДА. — Ф. 123 «Сношения России с Крымом». — Оп. I, 1624. — Д. 6. — Лл. 29–31. Оригинал рукописи.

* Мешок, мешочек.

** Копычейский голова — капуджи баши ага, командир подразделения капуджи (охранников дворца).

*** Платнишко — вероятно, хилгать (наградная одежда, халат).